

УДК 316.614
ББК 88.5

ВОЗРАСТНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ

О.В. Курышева

Статья посвящена теоретическому анализу специфики социальной категоризации на основе возрастных признаков. Раскрываются особенности возраста как фундаментальной социальной категории – универсальность, доступность, очевидность. Рассматриваются принципы и стратегии социальной категоризации возрастных групп, роль возрастных признаков в групповой идентификации. Теоретические выводы подтверждаются результатами существующих зарубежных исследований.

Ключевые слова: *возраст, социальное познание, социальная категоризация, эффект детской внешности, групповая идентификация, возрастные признаки.*

Возраст – одна из базовых психологических, социальных и культурных категорий. Возраст является универсальной характеристикой человека, которая присутствует в любой момент времени у всех людей без исключения. Так же как, например, пол или цвет кожи, возраст используется в качестве очевидного внешнего признака, на основании которого происходит восприятие другого человека, интерпретация его поведения и вынесение определенных суждений о его особенностях. Действительно, простой вывод о том, сколько человеку лет, является имплицитным основанием для обширного круга суждений и интерпретаций: от состояния здоровья, материального и семейного положения до общей успешности и состоятельности. Благодаря этому возрастные аспекты проявляются в самых разных социальных контекстах, в том числе в контексте социального познания.

В данной работе речь пойдет о том, как представлены возрастные характеристики в социальной категоризации, каковы особенности их использования для отнесения себя и других к определенной социальной группе и построении на основании этого групповой идентификации.

Социальная категоризация – один из фундаментальных процессов, с помощью которого люди группируют предметы или явления, которые они считают важными в конкретной ситуации или отношениях. Процесс категоризации предполагает «отнесение каждого воспринимаемого объекта к некоторому классу подобных и уже известных ранее объектов, то есть к категории» [1, с. 96]. Основной функцией категоризации является упорядочивание и упрощение получаемой извне информации и представление его в виде упрощенных категорий. Эти категории способствуют уяснению ситуационного контекста и дают возможность выстроить релевантное этому контексту действие. Тем самым категоризация сокращает разработку и определение стратегии поведения, сводя этот процесс к наиболее краткому варианту.

По мнению Н. Tajfel, люди обладают врожденной способностью разделять на категории объекты и явления социального мира. В социальном плане базовыми категориями подобного деления являются различными социальными группами – профессиональные, гендерные, возрастные и т. д., а процесс категоризации предполагает отнесение конкретного человека, в том числе и себя, к одной из таких групп. Человек категоризирует себя в качестве участника социальной группы и подчеркивает те признаки, которые демонстрируют эту принадлежность. При этом существу-

ет тенденция одобрять собственную группу членства и отвергать членов другой группы. Подобные процессы наблюдаются во многих реальных ситуациях, в частности в этнических, гендерных, статусных группах, в спортивных и профессиональных командах и т. д. Функцией процесса категоризации в этом случае является обнаружение фаворитизма круга лиц с общими интересами в распределении социальных привилегий [12].

В повседневной жизни существует множество различных социальных категорий для определения групп членства конкретного человека. В разные возрастные периоды человек включается в различные социальные группы – школьников, студентов, детей, родителей, стариков и т. д. Однако один из важных вопросов заключается в том, почему мы выбираем для категоризации определенные категории, исключая другие варианты. Например, почему мы выбираем категорию «бабушка» в противовес категории «мать» или «женщина»? Почему мы начинаем думать об этом человеке как о старике, а не о мужчине, преподавателе или отце? Как происходит селекция категорий?

По мнению D. Schneider, при ответе на этот вопрос необходимо учитывать три основных момента: во-первых, некоторые категории настолько универсальны, что занимают преимущественное положение в ряду других; во-вторых, предпочитаемая категория является очевидной для данного человека, культуры или ситуации; и, в-третьих, подобные категории являются фундаментальными для социального познания [11].

К числу категорий, отвечающих всем трем требованиям, относится возраст. Возраст – характеристика, присущая в любой момент всем людям без исключения. Возрастные признаки воспринимаются быстро и легко: даже детям доступно классифицировать людей на основе этих признаков. У возраста есть биологические корреляты, что делает возрастные характеристики более постоянными и стабильными в своих проявлениях. Исходя из этого, они приобретают универсальный характер сравнительных параметров.

Наряду с полом и национальностью, возраст является очевидной категорией для социальной оценки и сравнения, так как имеет

заметные внешние характеристики. Возрастные характеристики оказываются значимыми в процессе первичного восприятия человека и играют важную роль при формировании первого впечатления. В процессе социальной категоризации определение возраста происходит быстрее, чем определение пола, национальности, профессионального статуса и других характеристик. В исследованиях M. Brewer установлено, что социальная категоризация на основании возрастных признаков происходит в пределах миллисекунд от начального представления фотографии или видео конкретного человека. Далее эта начальная категоризация сопровождается автоматическим пробуждением аффекта или оценок, связанных с выявленной категорией, часто без их сознательного понимания. Возрастные признаки оказываются настолько доступными для восприятия, что их использование при категоризации в подавляющем большинстве случаев не осознается [6].

Возраст имеет фундаментальное значение для социального познания. Возрастные признаки носят эволюционный характер, так как связаны с умением распознавать людей по уровню зрелости, репродуктивного потенциала и принадлежности к похожей возрастной группе. Возрастные категории имеют межкультурный характер, так как важны для большинства современных культур, поскольку задействованы в формировании социальной иерархии. Все это подтверждает тот факт, что возраст широко используется в процессе социальной категоризации, являясь универсальным, очевидным и фундаментальным критерием [16].

Универсальный характер категоризации на основе возрастных признаков связан с тем, что в этом случае в основе деления людей на группы лежат внешне наблюдаемые, доступные и простые признаки. Не нужно проводить скрупулезный анализ или слишком раздумывать над тем, кто перед нами: мужчина или женщина, пожилой человек или подросток. В силу своей доступности возрастные признаки становятся легко запоминающимися характеристиками человека, лежащими в основе его описания. Безусловно, возрастные характеристики далеко не единственные позиции, по которым мы относим людей к той или иной группе. Но в силу простоты и очевидности

этих характеристик категоризация на их основании носит в принципе произвольный характер. Вряд ли мы можем пренебречь ими, даже если захотим. Вряд ли у нас получится, например, отнести человека к определенной профессии, не обратив при этом внимания на его возраст. Возможно, в определенном контексте гораздо большее значение имеет, хороший передо мной врач или плохой, компетентный он специалист или нет и занимается ли он той проблемой, которая меня интересует. Все это, несмотря на важность, не лежит на поверхности и требует более длительного анализа. Но что касается того, какого возраста этот человек – подросток или юноша, средних лет или пожилой – эти характеристики, часто уступая другим в важности, все же оказываются первичными для восприятия и категоризации.

Универсальный характер возрастных переменных проявляется еще и в том, что они никогда не остаются без внимания, их место всегда должно быть заполнено. Потому эти категории имеют довольно навязчивый характер: при восприятии человека от них практически невозможно абстрагироваться. Трудно, например, забыть, был ли случайный попутчик ребенком или стариком, подростком или человеком среднего возраста. В случае большинства других – самых разнообразных переменных категоризации – такой универсализм совсем необязателен. Чаще всего выбор категории для категоризации определяется ситуацией, контекстом или целями и мотивами самого человека. И чем сильнее влияние этих дополнительных переменных, тем более эксклюзивный характер могут носить выбранные сравнительные характеристики. В отличие от этого категоризация по возрастным переменным производится всегда, хотя возрастные характеристики также могут обрести дополнительное контекстное звучание, потому их роль только усилится.

Поскольку возраст является одним из ярко выраженных внешних признаков, возрастная категоризация основывается на восприятии таких внешних характеристик, как рост, черты лица и особенности причёски, походка и осанка, а также тембр и интонация речи. Различение возраста по лицевым характеристикам доступно даже четырехмесячным младенцам.

Восприятие возрастных признаков позволяет категоризировать людей по возрастным группам. Базовым маркером такой категоризации является обобщение внешних признаков в пределах условной биполярной шкалы «молодой – старый». При этом полюс «молодой» вызывает положительные эмоциональные реакции, а полюс «старый» – негативные. Доказано, что в процессе социальной перцепции дети оказывают предпочтение молодым взрослым и детям, тогда как внешность пожилых людей вызывает негативные эмоции [8].

Перцептивные признаки, на основании которых происходит процесс категоризации, обобщаются в своеобразные перцептивные комплексы признаков. В частности, к наиболее известным эффектам обобщения возрастных характеристик относится эффект детской внешности. Исследования комплекса признаков, воспринимаемых как «детская внешность», представлены в работах J. Montepare & L. Zebrowitz. Полученные результаты показывают, что люди оцениваются более похожими на детей, если у них тонкий голос и искренние интонации. Лицо выглядит в большей мере детским, если оно круглое, с большими и круглыми глазами, маленьким носиком, более высоким, чем обычно, лбом и более коротким подбородком. Таким образом, это признаки, отличающие ребенка от взрослого. В частности, экспериментально доказано, что шестимесячные младенцы значительно дольше смотрят на фотографию восемнадцатилетней девочки с детским лицом, чем на фотографию девочки того же возраста с более зрелыми чертами лица. Маленькие дети, которые уже могут вербально обосновать свой выбор, четко дифференцируют фотографии людей с детскими и зрелыми лицами. При этом и трехлетние дети, и подростки, и молодые взрослые выбирают один и тот же вариант – обладателя детской внешности [9, с. 139–143].

Эффект детской внешности имеет универсальный характер: во-первых, он применяется ко всем людям, физические качества которых просто напоминают людей определенного возраста. Во-вторых, в ответ на восприятие этих характеристик формируются определенные формы социального поведения. В-третьих, он одинаково воспринимается всеми людьми независимо от их возраста и

пола [2]. Эффект детской внешности служит ярким доказательством того, что возрастные признаки являются важными для социальной категоризации. Она носит универсальный характер и функционирует автоматически в силу очевидного и доступного характера возрастных признаков, которые являются первыми воспринятыми в социальном взаимодействии признаками человека.

Возрастные характеристики внешности являются существенными для адаптивного поведения. Они связаны с возрастными возможностями и нормативами определенных социальных действий по отношению к человеку определенного возраста. Например, младенцы требуют ухода и защиты от близких людей, но посторонний человек вряд ли будет брать месячного ребенка на руки или прикасаться к нему. Ребенка чаще обнимают, говорят, что можно делать, а что нельзя, чем могут быть опасны незнакомые взрослые, почему не разрешается к ним подходить и с ними заговаривать. Старики же нуждаются в помощи и поддержке в связи с беспомощностью и болезнями и потому оказываются более зависимыми от других. Для того чтобы предсказать целесообразное социальное поведение, достаточно тех особенностей внешности, которые позволят отличить ребенка от взрослого, а взрослого от старика [4].

В разные возрастные этапы визуальные признаки возраста могут быть более четкими или размытыми, стирающимися. Например, довольно просто отличить младенца от подростка или ребенка от старика. Особую трудность представляет различение людей 20 и 30 лет или 45 и 50 лет. Все же больший акцент ставится при восприятии молодых и пожилых людей. Многие авторы считают, что причиной этого является тот факт, что старение – один из основных процессов человеческого опыта, связанный с широким спектром социальных параметров и имеющий целый ряд следствий. С биологической позиции старость связана с процессами умирания и смерти, а с социальной точки зрения пожилой возраст характеризуется угасанием социальной активности и необходимостью повышенной заботы и внимания к пожилому человеку. Поэтому визуальные признаки старения оказываются

довольно востребованным критерием социальной категоризации.

Обычно со старением связан целый ряд признаков, такие как седина и морщины, обвисшая кожа и второй подбородок. Когда мы хотим просто подчеркнуть пожилой возраст человека, которого мы в данный момент не видим, мы называем именно эти характеристики его внешности. Своеобразным обобщением вопроса о визуальных признаках старости является исследование В. Вytheway. Изучая основные стратегии изображения старых людей, которые используются в СМИ, он выделил три основных позиции, которые составили своеобразный визуальный ряд старости. Во-первых, это физические признаки, например: морщины, сгорбленная поза, шаркающая походка и т. д. Во-вторых, это признаки зависимости от другого человека, к примеру, человек в инвалидном кресле или старик, опирающийся на другого человека. В-третьих, использование дополнительных средств телесного контроля: палки или очков [7].

В подтверждение этому В. Akhurst приводит примеры из практикума для мультипликаторов. В качестве задания для начинающих мультипликаторов перечислены признаки, которые надо изобразить, чтобы получился определенный персонаж. Чтобы получилось изображение старика, стажеру-мультипликатору нужно изобразить морщины, лысину, седые волосы, веснушки (пигментные пятна на лице), маленькое расстояние между носом и подбородком вследствие потери зубов, очки, шишковатые пальцы, сгорбленную фигуру. В итоге составитель практикума говорит о том, что изобразить в мультфильме старика – это очень простое задание, потому что идентификационных признаков очень много [3].

Есть существенное различие между изображениями людей в ранней и поздней старости, которые встречаются, например, в рекламе или журналах. Так, ранний пожилой возраст (50–60 лет), как правило, представляется образом модно одетой женщины с причесанными волосами и сережками, ухоженной и элегантной, которая выглядит весьма умиротворенно и, по-видимому, не обращает внимания на фотографа. Такие изображения часто используются в рекламе лекарственных препаратов, финансовых услуг для среднего класса, различных путешествий и т. д.

В отличие от «молодо-старых» изображений, которые как бы преуменьшают возраст, нивелируя его негативные проявления, образы более поздних периодов старости включают женщин, которые сидят в креслах, в очках или с палочкой. Их одежда часто старомодна или в целом какого-то особого стиля, а взгляд, как правило, натянут. Возникает ощущение, что их одежда и аксессуары (очки, палки, часто обстановка в комнате) являются средствами, которые подчеркивают возраст и даже как будто усиливают его проявления [10].

Подобные изображения имеют целый ряд следствий. Типичные визуальные образы старости формируют соответствующие социальные конструкты и, объединяясь, создают модель старости, которая становится своеобразной матрицей процессов возрастной идентификации. Люди – и члены изображаемой возрастной группы, и члены других возрастных групп – будут играть социальные роли в соответствии с входящими в эту модель значениями и интерпретациями. Закрепление в социальном пространстве подобных образов возраста приведет к дальнейшему разветвлению этих значений и образованию дополнительного слоя интерпретаций, что станет новым материалом для новых стереотипов. Происходит своеобразное канализирование стереотипных представлений: формируясь в определенном русле, они расширяют соответствующую интерпретационную канву.

Представления и интерпретации в этом случае могут иметь отрицательные коннотации и соответствовать негативным, деструктивным изображениям действительности, проявляясь в массовой коммуникации. Тогда возрастные признаки, основанные на негативных стереотипах, все более усиливают чувствительность к ним целевой группы и таким образом формируют отрицательные аспекты возрастной культуры – эйджизм [7].

Независимо от того, являются изображения старости образами мудрости и ухоженности или беспомощности, немощи и отчаяния, так или иначе, стареющие люди все равно категоризируются как особые и интерпретируются большинством людей как отличные от них. Действительно, процессы старения очень трудно применяются к собственной персоне. Когда мы видим изображения старости

и затем вдруг находим те же признаки в собственном зеркале, когда другие люди говорят, что мы постарели и неважно выглядим, наше эмоциональное напряжение возрастает, а самооценка падает.

В частности, Р. Atkinson показывает, что как возраст, так и старение, вместо того чтобы быть биологическими фактами, подтверждаемыми свидетельством о рождении, являются социально конструируемыми явлениями. В его исследованиях было проведено интервью с мужчинами и женщинами 40 – 50 лет, имеющими признаки физического проявления старения (морщины, седина, расплывшаяся фигура и т. д.). Вопросы интервью касались восприятия одежды и внешнего вида в целом женщин после 50 лет. Мужчины и женщины описали женщин с несоответствующим их возрасту стилем одежды, косметики и т. д. как нелепых и смешных. В качестве несоответствующих были названы такие признаки одежды, как «подростковый стиль», слишком короткие или прозрачные платья, слишком яркий цвет одежды, очень много косметики, очень высокие каблуки, слишком облегающие фасоны, слишком вызывающие разрезы и декольте. Наиболее спорным вопросом оказался цвет и длина волос, а также фасон стрижки. Однако всеми опрошенными было отмечено, что слишком яркие оттенки и вычурные прически не подходят женщинам данной возрастной группы. По мнению большинства опрошенных, нет ничего хуже, чем быть одетым не по возрасту, такие женщины выглядят смешно и неприлично [5].

Категоризация оказывается возможной в силу того, что предметы и явления окружающего мира обладают относительно постоянными характеристиками, имеющими довольно устойчивый круг соответствующих социальных значений. Кроме того, категоризация выстраивается на основе характеристик, позволяющих отличить один круг объектов от другого, провести границы между группами событий и явлений.

В этом смысле возраст оказывается уникальной социальной категорией, поскольку границы между различными возрастными группами не являются постоянными характеристиками и определяются весьма условно. Ответ на вопрос, кто перед нами: подросток или юноша,

пожилой человек или нет, не так однозначен, как может показаться на первый взгляд. Часто момент, где кончается один возрастной период и начинается другой, не столь очевиден. Когда человек из младенца превращается в ребенка? Что является критерием наступления юности – только лишь достижение конкретного возраста или возникновение определенных отношений с окружающими и особый стиль поведения? Взрослый человек должен соответствовать этому периоду только биологически, или его взрослость должна быть измерена уровнем психологической зрелости? Когда начинается старость: с выходом на пенсию, с появлением морщин и седых волос или с серьезным ухудшением здоровья? Исследования того, как эти вопросы решаются на уровне обыденного сознания, как отвечают на это обычные люди, где они проводят возрастные границы, весьма малочисленны и фрагментарны. В качестве примера можно указать исследование В. Ааронсона, который установил, что люди с большей долей вероятности подразделяют возрастные периоды на три группы: 5–15 лет, 25–55 лет и 65–85 лет, которые соответствуют трем основным возрастам человека – детству, взрослости и старости [2, с. 458–462].

Подвижность и текучесть возрастных характеристик имеет еще одно следствие. Возрастные группы не являются постоянными. Каждая из них приобретает характеристики хронологически следующей группы, превращаясь в более старшую по возрасту. Например, молодые люди, которые в настоящий момент относят себя к молодежи и категоризируют себя как молодых и активных в сравнении со старыми и немощными пожилыми людьми, однажды сами станут стариками. Имплицитно зная это, они еще больше подчеркивают отличие собственной возрастной группы от группы пожилых. С одной стороны, это усиливает идентификацию с ин-группой, а с другой – увеличивает социальную дистанцию с аут-группой.

Каждое поколение существует в определенное историческое время, имеющее уникальные исторические характеристики, наполненное уникальными историческими событиями. Вероятно, разные поколения будут связаны с различными временами и событиями, которые влияют не только на их развитие, но становятся еще одной категорией для сравнения. Поколение,

воевавшее в Отечественной войне, отличается от послевоенного поколения. Вероятно, тогда событийные характеристики возрастной группы, связывающие ее с определенным историческим временем, будут являться уникальными и, в противовес негативным стереотипам, подчеркивать ее позитивные особенности [17].

Таким образом, возраст является важным критерием социальной категоризации, имеющим универсальный характер и играющим существенную роль в социальном познании. Уникальность возрастных характеристик заключается в том, что они имеют заметные внешние характеристики, поддающиеся легкой, простой и практически неосознаваемой категоризации. Поэтому возраст оказывается значимой переменной в процессе первичного восприятия человека и играет важную роль при формировании первого впечатления. Категория возраста широко задействована в формировании социальной иерархии в подавляющем большинстве культур, поэтому возрастные признаки имеют межкультурный характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева, Г. М. Психология социального познания / Г. М. Андреева. – М. : Аспект-Пресс, 2005. – 304 с.
2. Aaronson, B. W. Personality stereotypes of aging / B. W. Aaronson // *Journal of Gerontology*. – 1966. – № 21. – P. 458–462.
3. Akhurst, R. British Freelance Cartoonist's and Illustrator's Course. Tutorial 3 / R. Akhurst. – Weybridge : Morris College of Journalism, 1995.
4. Alley, T. Social and Applied Aspects of Perceiving Faces / T. Alley. – Hillsdale, NJ : Lawrence Erlbaum Associates. – 1988. – 308 p.
5. Atkinson, P. Making Sense of Qualitative Data: complementary research strategies / P. Atkinson, Coffey A. – L. : Sage, 1996. – 361 p.
6. Brewer, M. Intergroup Relations / M. Brewer. – Philadelphia : Open University Press, 2003. – 181 p.
7. Bytheway, B. Ageism / B. Bytheway. – Buckingham : Open University Press, 1995. – 142 p.
8. Fiske, S. T. Social Cognition / S. T. Fiske, S. E. Taylor. – N. Y. : McGraw-Hill, 1991.
9. Montepare, J. M. Person perception comes of age: the salience and significance of age in social judgments / J. M. Montepare, L. Zebrowitz // *Zanna M. Advances in experimental social psychology*. – N. Y. : Academic press, 1998. – Vol. 30. – P. 93–161.

10. Nettleton, S. *The Body in Everyday Life* / S. Nettleton, J. Watson. – L. : Routledge, 1998. – 320 p.
11. Schneider, D. *The Psychology of Stereotyping* / D. Schneider. – N. Y. : Guilford Press, 2004. – 722 p.
12. Tajfel, H. *Human groups and social categories: studies in social psychology* / H. Tajfel. – N. Y. : Cambridge University Press, 1981. – 369 p.
13. Taylor, D. M. *Theories of intergroup relations: International social psychological perspectives* / D. M. Taylor, F. M. Moghaddam. – N. Y. : Praeger, 1994. – 245 p.
14. Turner, J. C. *Rediscovering the social group: A self-categorization theory* / J. C. Turner, M. A. Hogg, P. J. Oakes. – Oxford, England : Blackwell, 1987.
15. Turner J. *Social Categorization and Self-concept: A social cognitive theory of group behaviour* / J. Turner // *Advances in group processes*. – L., 1985. – P. 77–121.
16. Tyler, T. *The Psychology of the Social Self* / T. Tyler, R. Kramer, O. John. – Mahwah, NJ : Lawrence Erlbaum Associates, 1999. – 288 p.
17. Williams, A. *Intergenerational communication across a life-span* / A. Williams, J. Nussbaum. – Mahwah, NJ : Lawrence Erlbaum Associates, 2001. – 359 p.

AGE ASPECTS OF THE SOCIAL CATEGORIZATION

O.V. Kuryшева

The article presents the theoretical analysis of the social categorization based on age aspects. The following features of age as fundamental social category – universality, availability, evidence are revealed. Principles and strategy of the process of social categorization of age groups, and the role of age signs in group identification are considered. Theoretical conclusions prove to be true being in accordance with the results of existing worldwide researches.

Key words: *age, social cognition, social categorization, the effect of the child's appearance, group identification, age signs.*